

Из воспоминаний о П.А. Кропоткине

1922, источник: [здесь](#)

(Речь, произнесенная 13 февраля 1922 г. на общественном собрании, устроенном в память П.А. Кропоткина в школе 2-ой ступени в г. Дмитрове)

Друзья и молодые будущие хорошие товарищи (товарищи в лучшем смысле слова)!

В Москве образовался *Всероссийский Общественный Комитет по увековечению памяти П.А. Кропоткина*. Хотя я тоже состою его членом, но нахожу, что Комитет очень неудачно выбрал себе название. Никто не может лучше увековечить память П.А., чем сделал это он сам своими трудами и жизнью. Вам нужно только изучать его творения и ближе знакомиться с его жизнью, чтобы воодушевляться его думами и его примером. Поэтому я счел своим долгом принять предложение организаторов настоящего вечера и поделиться с вами своими воспоминаниями о П.А.

Познакомился я с учением П.А. очень давно, в 1890–1891 годах, в юношеском возрасте, когда находился в Швейцарии, в гор. Женеве, где учился медицине. Первым обстоятельным трудом П.А., в котором он излагал свои анархические убеждения, были „Речи бунтовщика“. По прочтении этой книги я стал постоянным читателем еженедельной газеты „La Révolte“ („Бунт“), которую издавал Жан Грав при ближайшем участии Элизе Реклю и в особенности П.А. В те времена в „La Révolte“ печатались ряд статей П.А., которые со временем составили новый том его сочинений — „Хлеб и Воля“. Хотя я ни с одним анархистом не был знаком и находился в эмигрантской среде, в которой в те времена упрочивалось, под влиянием Плеханова, социал-демократическое направление, тем не менее мои анархистские убеждения установились тогда же.

Первым, так сказать, „живым анархистом“, с которым я познакомился и сдружился, был студент-медик П.И. Стоянов, болгарин родом, приехавший в Женеву из Франции, откуда его изгнали за пропаганду.

Обаяние просто изложенной, но прочувствованной проповеди П.А. было так велико, что меня и моего друга Стоянова невольно влекло лично повидаться с ним и мы не преминули осуществить это желание при первой же возможности. Летом 1893 года нам удалось собраться со средствами и поехать в Лондон, где жил П.А. Должен заметить, что нас влекло к нему не одно простое любопытство: годом раньше нами было приобретено немного русского и армянского шрифта и мы хотели посоветоваться с П.А. о предпринятых нами

анархистских изданиях. (Продолжать это дело пришлось мне одному, так как тем временем Стоянова изгнали и из Швейцарии за выступление на одном собрании.)

Виделись мы с П.А. в Лондоне всего раз. О первом моем свидании с П.А. у меня сохранились очень смутные воспоминания. Он жил в предместьи Лондона. Мы поехали к нему под вечер, когда он отдыхал и принимал посетителей. Вспоминается небольшой двухэтажный домик в одну квартиру, кабинет П.А. во втором этаже, весь заставленный книгами, и пишущая машинка на столе. П.А. оказал нам радушный прием, но беседа как-то не клеилась. Он повел разговор о пишущих машинках, которые были тогда новинкой, расхваливал их преимущества и мечтал приобрести себе одну. Машинка, находившаяся у него, была ему кем-то одолжена, а купить у П.А. не было средств: тогда они стоили около 500 франков (200 рублей).

Несмотря на то, что П.А. был перегружен работой, он охотно пошел навстречу нашей просьбе помочь в изданиях и сам взялся перевести на русский язык „Речи бунтовщика“, которые в первоначальном переводе самого автора носили название „Распадение современного строя“.

По возвращении в Женеву я стал получать от П.А. письма с переводами отдельных глав книги. Но так как П.А. был завален работой и перевод затягивался, то, после первых глав, он передал это дело своему другу Черкезову, а сам держал только корректуру.

Набирал я у себя в мансарде (комнатушке на чердаке) и носил готовый набор в частную швейцарскую типографию для печатания. Мне удалось всего издать один выпуск (около ¼) „Речей бунтовщика“, брошюру Бакунина „Парижская коммуна и понятие о государственности“ и несколько других на армянском языке. На большее не хватило средств и времени.

Окончив в 1896 году медицину, мне пришлось с семьей уехать для заработка в Болгарию, а затем в северную Персию, где я пробыл вплоть до мировой войны.

Уезжая из Женевы, я отдал всю переписку с П.А., его переводы, портрет Бакунина с его собственноручной надписью[1] и его же рукописи (переданные мне Элизе Реклю в один из своих приездов в Женеву), известному биографу Бакунина — Максу Неттлау.

С 1896 года по 1917 год я был совершенно оторван от деятельного анархистского движения.

Вспыхнула мировая война. В „Русских Ведомостях“ стали появляться „Письма о текущих событиях“. Я находился в это время на Кавказском фронте, где, под флагом Красного Креста, подбирал на передовых позициях уцелевших сирот вырезанных армян и вывозил их из района военных действий.

Наконец наступила Февральская революция. Телеграммы в газетах разнесли весть, что П.А. едет в Россию, а затем, что он уже приехал в Петроград.

Открывались широкие возможности общественной деятельности. Я стремлюсь к П.А., приезжаю в Москву, направляясь в Петроград, и здесь узнаю, что П.А. сам переселился в Москву.

Когда в первый раз после долгих лет я явился к нему, он принял меня весьма радушно, дружески обнял, угадав, очевидно, по выражению во мне не чужого человека, и тут же добродушно заметил: „Извините, я вас не узнаю“.

Мудрено было и узнать. Целых четверть века отделяли нас от нашей единственной встречи. Несмотря на столь долгий промежуток времени, обаяние его личности в момент общественного подъема все же привлекло меня к нему с далекого юга.

Чем объяснить это обаяние, которое одинаково ощущали все, читавшие его внимательно, и, в особенности, имевшие личное общение с ним?

Знаменитый венский профессор Нотнагель сказал: „Хороший врач должен быть хорошим человеком“. Эти слова высеки золотыми буквами, после его смерти, на его надгробном камне.

Кропоткин был врачом наших общественных недугов, и хорошим врачом, — в этом вся разгадка того обаяния, которое он производил на всех, даже на своих идейных противников.

Конечно, не один Кропоткин ставил себе задачи общественного врачевания. Кумир нашей правящей партии, Карл Маркс, тоже намечал пути, писал программы для водворения социализма...

Но все учение Маркса основывалось на холодных научных расчетах (правильных или ложных — суть не в этом), нравственное начало в нем было подчинено экономическому фактору, а не преобладало над последним, как деятельная сила более раннего, биологического происхождения, Это отразилось и на вытекавшей из этого учения тактике.

Кропоткин — тоже выдающийся ученый. Когда он сидел в царских застенках, Императорское Географическое Общество издавало его труды; когда его осудили во Франции к тюремному заключению, об его освобождении хлопотал весь западноевропейский научный и литературный мир; долгие годы он заведовал отделом естествознания в лучшем английском научном журнале; его „Взаимная помощь“ по своему научному значению стоит наравне с сочинениями Дарвина; „Поля, фабрики и мастерские“ открывают новый путь для изучения политической экономии, а его исторические исследования о Великой Французской Революции считаются лучшими в этой области. И все же, несмотря на такие научные заслуги, П.А. не подавлял личным авторитетом своих, даже самых скромных, собеседников. Он знал пределы человеческих знаний, и когда ему ставили один из „проклятых“, неразрешенных общественных вопросов, он несплеча, подобно политическим „вождям“, а скромно и запросто ставил себя на одну ногу со своим собеседником и говорил: „Ищите, я сам ищу“. Я привожу его подлинные слова. Творчество масс, „малых мира сего“ не было простой красивой фразой для него.

Другим типом общественного врачевателя является Толстой. Но, в отличие от Кропоткина, Толстой своим отрицанием науки отшатнул от себя людей с научными запросами, хотя бы даже самыми невзыскательными.

Кропоткин объединяет в себе мощь научной мысли ученого и высоких нравственных начал, признававшихся им не в теории только, но проводившихся неуклонно в жизнь. В этом главный источник его обаяния.

Иной раз мелочи ярче освещают личность, чем пространные, подробные описания. Как-то П.А. попросили хлопотать о получении разрешения на возобновление одного закрытого анархического органа.

— Как же я могу хлопотать о вас одних? А те, *другие*, разве не хотят тоже высказаться?

Он намекал на правые партии. Так как безнадежно было хлопотать об общей свободе печати, то П.А. отказал в просьбе.

В один из приездов П.А. из Дмитрова в Москву, не зная причины его приезда, по обыкновению я зашел к нему на квартиру в Леонтьевском переулке. П.А. был чем-то сильно взволнован и возбужден. Увидев меня, он увел меня во вторую комнату, чтобы нам не помешали говорить, и без предварительных объяснений стал спрашивать, *не осуждаю ли я его?* Постепенно выяснилось, что он виделся с Лениным, что причиной этой встречи послужили расстрелы заложников. В список заложников попал давнишний его друг, бывший эмигрант — 6-ым или 7-ым на очереди. До него были уже расстреляны несколько великих князей.

Я заметил П.А., что не мне судить о его действиях. Но он прервал меня, прося попросту, по товарищески высказаться. Тогда я ему ответил, что для спасения жизни осуждённых на смерть я бы одобрил обращение даже к царю.

— Так, значит, не осуждаете, — сказал он с искренней радостью и горячо пожал мне руку.

Меня поразила эта юношеская впечатлительность к мнению одного из своих последователей или, вернее, к общественному — к мнению каждого из нас, как бы безвестны и скромны мы ни были.

Из дальнейшей беседы я узнал, что П.А. сделал больше, чем хлопотал о своем друге. Он старался повлиять, чтобы отменили вообще заложничество и расстрелы. Он напомнил Ленину историю Комитета Общественного Спасения во время Великой Французской Революции, который погубил стольких выдающихся деятелей революции; и что же в конце концов оказалось? В Комитете заседал судья старого режима.

— Я их немного припугнул, — прибавил он с улыбкой.

Вскоре после этого, быть может, в связи со свиданием П.А. с Лениным, было отменено право за местными отделами ЧК производить расстрелы.

Заметьте: П.А. хлопчет о старом товарище, ему наверное с первого же слова обещали бы пощадить его жизнь, но он ставит вопрос шире, он старается спасти всех, а не только одного близкого человека.

В „Хлебе и Воле“ у П.А. есть глава „Довольство для всех“. Но выше богатства для всех он ставил *справедливость для всех*.

Кто из читавших „Записки революционера“ не помнит, с какой справедливостью он отзывался о людях из самых разнообразных слоев общества, даже о коронованных. Трогательно под пером убежденного анархиста и ветерана революционного движения сочувственные отзывы об императрице Марии Александровне, как о человеке.

С таким же беспристрастием он отзывался о современных политических деятелях — о людях, с которыми идейно он не имел ничего общего. Он считал — мне приходилось слышать это от него самого — и Корнилова, и Керенского, а также Ленина с Троцким, честными людьми. О последних он отзывался так, когда столица еще находилась в Петрограде и всё общество шушукалось об их подкупленности германским золотом.

Заметьте при этом, что Кропоткин не был наивным и доверчивым. Он был убежден, что в поражении России в последней войне с Германией подкуп играл видную роль. В этом его убеждало знание истории. Он слишком хорошо знал безнравственную сущность всякого государства. Никогда большие победы не одерживались без подкупа, говорил он, и приводил пример из русско-турецкой войны 1877–78 гг., когда главнокомандующему, Николаю Николаевичу Старшему, предложили купить Плевну, а он, „дурак“, не согласился, погубив вследствие этого десятки тысяч жизней, и в конце концов кажется (если память мне не изменяет), по словам П.А., ему все же пришлось купить эту победу.

Может быть, кое-кто из присутствующих здесь обратили внимание на одно, с первого взгляда парадоксальное, явление: всеми признанный революционер, П.А. охотно принимает участие во Всероссийском Общественном Собрании, тогда как его голос ни разу не раздался на Всероссийских Съездах Советов.

Он нашел возможным выступить рядом со своими политическими противниками, а не на Съездах более близкой к нему — по крайней мере, в отдаленном идеале — ныне правящей партии. Опять причину этого явления нужно искать в глубоком чувстве справедливости: он не мог говорить там, где были зажаты рты его противников, хотя бы последние находились в самом правом идейном лагере.

Относясь снисходительно и терпимо к своим противникам, тем не менее он болел душой за их ошибки. Когда в Москве в октябре 1917 г. раздались первые орудийные выстрелы партийной войны, П.А. воскликнул: „Это хоронят русскую революцию!“ Заметьте, он это сказал не по адресу ныне благополучно правящей партии, так как тогда не был еще известен исход борьбы за власть: он предсказывал лишь неизбежно пагубные последствия этой борьбы.

